

ПРЕДУРАЛЬЕ

*По территории Пермского края
проходил кандалный путь
Достоевского*

Белый, тяжёлый, косой снегопад,
снежная мгла вековая.
На перевалах моторы гудят,
гору одолевая.

Бейся, водитель, баранку крути,
странник многострадальный!
Не проложили другого пути —
тот же остался, кандалный.

Избы да церкви в родной стороне,
сосен застывшие лапы...
И, растянувшись, бредут по стране
серую лентой этапы.

Русь, такова ты в глубинах снегов,
в горестной доле отцовой!
Вьётся река между двух берегов
лентой угрюмой, свинцовой.

Вьётся походный кочующий дым,
в небо уходит спиралью.
И залегла под покровом седым
тяжкая мощь Предуралья.

Будут и здесь златокудрые дни,
ярмарки с пеньем и свистом,
и городов беспокойных огни
выплывут в мареве мгlistом.

Вот воссияли, мелькнули — и нет,
скрылись скоропостижно.
Лишь под ногами лежит континент
сумрачно и неподвижно.

* * *

Перелесок листом облетевшим горчит,
и на всём оскуденья печать.
Крикнет птица вдали — и опять замолчит,
словно не о чем больше кричать.

Под осеннею прелью земля залегла,
погрузилась в промозглую тьму —
и молчит, и молчит, ибо всё отдала
и уже не нужна никому.

Здесь холодные капли с ветвей моросят,
и столбами проходит туман.
Здесь и шишки рядами на ели висят,
словно души ушедших крестьян.

Обессилела, выдохлась в долгой борьбе
заскорузлая топкая гать
и втянула в себя, утопила в себе
всё, что людям пыталась сказать.

И повалится снег, устилая места,
отдавая в наём площадь,
где навек затонула твоя красота,
от постыдного взора уйдя.

КОЛОКОЛЬЦЫ

На клочке городской неказистой земли
год за годом, не зная привета,
голубые цветы колокольцы цвели,
как зачинщики жаркого лета.

Вот нахлынет тепло — и поднимутся в рост,
и закроют обломки сарая!
Это время коротких стремительных гроз
синим пламенем хлещет, сгорая.

Я любила тогда проходить по дворам,
где работает бомж у помойки,
где на каждом шагу разверзается срам
и разгульный задор перестройки.

И в нелепом наряде, всегда весела,
волоча из подъезда корзинки,
разудалая тётка торжественно шла
торговать на копеечном рынке.

Где вы, буйного лета кошмарные сны?
Где ты, удаль народной стихии?
Колокольцы цвели у разбитой стены —
колокольцы, цветы голубые.

Но всё глуше, всё тише раскаты вдали,
всё стремительней катятся годы.
И дремучим бурьяном уже поросли
побеждённые силы природы.

В ДЕРЕВНЕ

Хорошо в деревне летом
выйти утром на балкон!
Открывается при этом
дивный вид со всех сторон.

Луг рососою окропился,
хочет влаги накопить.
Вон, сосед с утра напился.
Отчего ж ему не пить!

Он виднеется на грядке,
где зелёная ботва.
Голова почти в порядке —
ноги движутся едва.

Постоял ещё без шума
и домой пошёл опять.
Видно, выспаться надумал.
Отчего же не поспать!

А другой сосед, тверёзый,
по округе — шась да шась.
Выкрал где-то воз навоза.
Отчего же не украсть!

А кузнечики стрекочут,
птички лезут щебетать.
Две кумы взахлёб хохочут.
Что же им не хохотать!

Голубеют, блещут дали,
зной полуденный не слаб.
Едет плотник на “Урале”,
а в коляске — куча баб.

Отчего же этим бабам
не полазить по кустам,

не промчатся по ухабам
да по ягодным местам!

Время маятник торопит,
солнце шпарит на износ.
Вон, сосед уж баню топит —
тот, который крал навоз.

Солнце жарит и сжигает,
нет ни тени во дворе.
Вот и кум с реки шагает,
щука возится в ведре.

В сеть попалась — что ж такого!
Кум не любит голодать.
Две кумы находят повод,
чтобы вновь поохотать.

Солнца шар земли коснулся,
заплясала мошкара.
Ба, сосед уже проснулся —
тот, который пил с утра!

А другой сосед, из бани,
сам немного во хмелю,
уж его бутылкой манит:
— Приходи, опохмелю!

И спешит сосед к соседу
отдохнуть от лишних дум.
Чуть затеяли беседу —
и туда же с рыбой кум.

Вновь хохочут-помирают
две кумы, и вот секрет:
тоже выпили в сарае.
Кто ж положит им запрет!

И на этот смех зазывный,
на весёлый огонёк
уж бегут оперативно
и сосед, и куманёк.

Тот в штанах, а этот в мыле,
с полотенцем на хребте, —
приодеться позабыли.
Кто ж их видит в темноте!

Кто увидит, кто осудит,
кто в печали их войдёт,
кто допытываться будет:
как живёшь, простой народ?

Их правительство не слышит,
их чиновник гонит вон.
Не для них ли Дума пишет
защитительный закон?

Не для них сияют бары,
и курорты их не ждут;

“Кадиллаки”, “Ягуары”
к их дверям не подадут.

Словно брошенные дети,
посторонние всему,
доживут свой век соседи
на подножном на корму.

Но ласкает их природа,
светят звёзды без конца,
и беспечная свобода
наполняет их сердца.

ПУЧИНА

В этой дальней глухой стороне,
где висит на верёвках бельё,
заклубятся сады по весне
и утянут в болото своё.

Это здесь ты был молод и свеж
и смотрелся в полночную тишь,
и мечтал, что на крыльях надежд
из пучины садов улетишь.

А река всё текла в берегах,
всё клубила дремотный туман.
А трава выростала в лугах,
источая тягучий дурман.

Всё так медленно! Только года
быстро мчатся под куполом звёзд.
Ты не смог улететь никуда
и в суглинок, как дерево, врос.

Так и жизнь незаметно прошла.
Это всё ничего, ничего!..
Сон течёт по корням до ствола,
и не надо тревожить его.

У ЦЫГАН

За тем перелеском багряным,
в овраге, в ночи у костра
привольно живётся цыганам,
и можно гулять до утра.

Своей ли тоски тебе мало,
чтоб слушать их вольный напев?
Уж сколько здесь жизней пропало,
последним огнём догорев!

Великая истины сила
взойдёт, смертоносно близка...
Тебя у цыган подкосила
твоя же слепая тоска.

Спиралью вращается красной,
стеной подступает к тебе
жестокий рассказ о напрасной,
загубленной русской судьбе.

И бьётся, и вырваться хочет
бурлящего сердца поток.
Цыганка поёт и хохочет,
бросая под ноги платок.

Душа заплутавшая! Годы
ушли на познание твоё.
Но дети бездумной природы
за миг прочитают её.

Как холоден путь до заставы,
как чёрен просёлок во тьме!
И только лишь месяц кровавый
по левой встаёт стороне.

НОЧЬ В ДОРОГЕ

Невесёлые люди вокзала,
пассажиры больших поездов!
Вас случайно судьба увязала,
предоставила временный кров.

Вас судьба собрала, как пожитки,
как разрозненный мелкий багаж,
и в бессмертном пергаментном свитке
не оставила перечень ваш.

Зябко, холодно вам, полусонным,
бесприютным игрушкам судьбы.
Рассуёт она вас по вагонам,
путевые поставит столбы.

Сном забыться скорее недужным
и качаться под грохот колёс,
чтоб не видеть, как маревом вьюжным
неизвестность летит под откос.

Сыпь, холодная полночь, огнями,
загибайся в крутой поворот!
Только вечность свистит над тенями
одиноким примкнувших сирот.

Словно в Лету навек окунулось
всё, что мимо проносится прочь.
И на целую жизнь растянулась
путевая безродная ночь.

* * *

Город ночной — постоялый двор
для всех, кто уснул за стенами зданий.
Строго на окнах несут дозор
чуткие фикусы и герани.

Возле дороги и там, и тут,
как на собрание, сойдясь в аллею,
клёны из воздуха влагу пьют,
искры цветов призывно белеют.

Новых просторов себе ища,
высытятся травы в дремоте улиц.
Из темноты побеги плюща
целый забор обнять протянулись.

Здесь, не боясь ни шин, ни людей,
словно прообраз ожившего слитка,
переползает бетон площадей,
движется к цели своей улитка.

Смотришь и смотришь с обрыва вниз,
вглубь, где незримо ручей лопочет,
и, подойдя вплотную, навис
космос бездонной, дышащей ночи.

Вот оно, жизни живое дно,
мир без центра и без окраин,
мир, где отдыха не дано,
мир — единый всему хозяин.

Здесь виноградная зреет гроздь,
здесь в океан сливаются реки,
здесь человечество спит, как гость,
который завтра уйдёт навеки.